

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19/21"

EDN QWZKAZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ «ДАЧНОГО ТЕКСТА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВВ.
(Достоевский, Чулков, Трифонов, Мамлеев, Водолазкин и др.)**

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. Ф.М. Достоевский обратился к даче в 1840-е гг. как к оздоравливающей разновидности «городского топоса», однако в 1860-е гг. переосмыслил ее топик в аспекте общественных запросов России эпохи либеральных реформ. Резкий всплеск интереса к даче в конце 1860-х гг., в условиях утраты усадебным дворянством лидирующего положения в стране, вызван у Достоевского поиском площадки для диалога между сословиями России, в рамках которого вырабатывалось общее мировоззрение и выявлялись новые «лучшие люди». Однако наряду с отказом от социально-сословной иерархии, открытостью и свободой писателем отмечены и отрицательные черты дачи: ограничение суверенности человеческой личности (диктат общественного мнения, невозможность скрыться от чужих глаз) и понижение ее уровня (сплетни, пьянство, ссоры, пошлый флирт и т. п.). В 1870-е гг. интерес Достоевского к даче как перспективной социокультурной модели угасает, и писатель полностью разделяет преобладающее в последней трети XIX – начале XX в. отношение к ней как к средоточию житейской пошлости и посредственности, переключившись на дальнейшую разработку «усадебного топоса». Далее в статье прослежены указанные антиномии в изображении дачи у Достоевского в литературе Серебряного века (Г.И. Чулков), в советской (Ю.В. Трифонов) и постсоветской (А.Н. Варламов, Ю.В. Мамлеев и Е.Г. Водолазкин) прозе. Сделан вывод о жизнеспособности «дачного текста» в русской литературе XX в. благодаря его частичной конвергенции с одухотворяющей топикой усадьбы.

Ключевые слова: литературная дача, литературная усадьба, эволюция, конвергенция, Ф.М. Достоевский, писатели Серебряного века, советские и постсоветские писатели, «дачный миф».

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Богданова О.А. Ф.М. Достоевский и эволюция семантики «дачного текста» в русской литературе XIX–XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 76–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

Research Article

**THE EVOLUTION OF THE SEMANTICS OF THE “DACHA TEXT”
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH–21ST CENTURIES
(Fyodor Dostoevsky, Georgy Chulkov, Yury Trifonov, Yuri Mamleev, Eugene Vodolazkin, etc.)**

Olga A. Bogdanova, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. Fyodor Dostoevsky turned to his dacha in the 1840s as a health-improving kind of “urban topos”, but in the 1860s he rethought its topic in the aspect of public demands of Russia during the era of liberal reforms. A sharp surge of interest in the dacha in the late 1860s, under conditions of estate nobility’s loss of the leading position in Russia, was caused by Fyodor Dostoevsky’s search for a platform for dialogue between the social groups of Russia within which, a common worldview was developed and the new “best people” were identified. However, along with the rejection of the social class hierarchy inherent in dacha, openness and freedom, the writer also noted negative features - human personality sovereignty restriction (dictate of public opinion, inability to hide from prying eyes) and deterioration (gossip, drunkenness, quarrels, vulgar flirting, etc.). In the 1870s, Fyodor Dostoevsky’s interest in dacha as a promising socio-cultural model had been fading, and he would fully share the prevailing attitude towards it as a focus of everyday vulgarity and mediocrity, in the last third of the 19th – the early 20th century, switching to the further development of the “estate topos”. Further, the article traces these antinomies in the image of Fyodor Dostoevsky’s dacha in the literature of the Russian Fin de siècle (Georgy Chulkov), in Soviet (Yury

Trifonov) and post-Soviet (Aleksey Varlamov, Yuri Mamleev and Eugene Vodolazkin) prose. The conclusion is made about the viability of the “dacha text” in the Russian literature of the 20th century due to its partial convergence with the inspiring topic of the estate.

Keywords: literary dacha, literary estate, evolution, convergence, Fyodor Dostoevsky, Fin de siècle Russian writers, Soviet and post-Soviet writers, “dacha myth”.

Acknowledgements. The research was carried out in IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: The evolution of the semantics of the “dacha text” in Russian literature of the 19th–21st centuries (Fyodor Dostoevsky, Georgy Chulkov, Yuri Trifonov, Yuri Mamleev, Eugene Vodolazkin, etc.). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 3, pp. 76–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

Наряду с усадебной темой, в русской литературе XIX–XXI вв. большое место занимает дачная. Ей уделили внимание известные исследователи литературной усадьбы В.Г. Щукин и Е.Е. Дмитриева. Так, Щукин обрисовал историю литературной дачи в России с конца XVIII в. по 60-е гг. XX в. По наблюдению ученого, «дачмания» в стране началась с 1840-х гг., времени появления первых железных дорог. С 1880-х гг. происходит резкая демократизация дачи, сопровождавшаяся понижением ее социокультурного статуса по сравнению с усадьбой. С 1890-х гг. в творчестве А.П. Чехова возникает особый локус опозитизированной «усадьбы-дачи» [Щукин: 393], вливший новую кровь в обветшавший к этому времени тургеневско-фетовский «усадебный текст». Далее ученый анализирует дачные произведения И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Б.Л. Пастернака, Ю.В. Трифонова и А.Г. Битова 1910–1960 гг., акцентируя их принадлежность к «идиллическо-элегической традиции», восходящей к Н.М. Карамзину. С точки зрения Щукина, произведения о даче не организуются в самостоятельный «дачный текст», а являются «продуктивной и плодотворной модификацией “усадебного текста”, связанной с именем Чехова и его последователей вплоть до наших дней» [Щукин: 434].

По наблюдению Е.Е. Дмитриевой, в конце XIX в. «веяния нового, неидиллического, нерайского времени видятся <...> в мироощущении дачном, с его временностью жилища, его ничейностью, противостоящей мироощущению усадебному, в основе которого чувство преемственности поколений, укорененности человека в исторической почве. Идеал усадебного рая, образ сада как модели земного Эдема в дачном пространстве принципиально отсутствуют, будучи заменены в поэтическом выражении фофановскими “укропом и крапивой”, а в бытийном – пошлостью и прагматизмом» [Дмитриева, Купцова: 161]. Указывая на кардинальную отличность литературной дачи от усадьбы, Дмитриева, тем не менее, не ставит вопроса о существовании особого «дачного текста».

Специальное исследование культурологического характера предпринял английский ученый Стивен Ловелл, проследив социокультурную историю русской,

а затем советской дачи с 1710 по 2000 гг. [Ловелл]. Особый интерес представляет его классификация дач советского периода. Так, в 1920-е гг. дача, с одной стороны, становится символом буржуазности (мещанства и пошлости), с другой – подспорьем в преодолении дефицита жилья после Гражданской войны (т. е. превращается из летнего в постоянное жилье). Наряду с этим шли разнонаправленные процессы муниципализации бывших владельческих дач и создания дачных строительных кооперативов для привилегированных слоев населения. В целом же дача отодвигалась в тень на фоне преимущественной организации новых коллективных форм досуга: пансионатов, домов отдыха, санаториев, летних лагерей и проч. В 1930-е гг. дача частично отвоевала в советском обществе дореволюционные позиции: во-первых, благодаря созданию ведомственных дачных поселков, где сотрудники государственных учреждений арендовали дачи; во-вторых, – организации дачных кооперативов, на землях которых высокопоставленные служащие могли построить собственные дачные дома на личные средства; в-третьих, – посредством массового съема комнат у сельских жителей в летний период. По Ловеллу, динамика дачного образа жизни в СССР такова: если в 1930-е гг. дача была привилегией меньшинства, то в 1980-е гг. она становится обычным явлением для населения. В 1960-е гг. возникает новый вид дачного досуга – садоводческие товарищества. Постепенно ограничения на размер и комфортабельность садового домика на обрабатываемом участке снимаются, и к 1990-м гг. он превращается в полноценную дачу. Это совпадает с окончательной приватизацией загородного жилого фонда. Одновременно нарастает масштаб покупки деревенских домов горожанами для отдыха и ведения хозяйства. Дача в России становится важной частью жизни миллионов людей. Интенсивное строительство коттеджных поселков для постоянного проживания с 1990-х гг., по сути, превращает дачу в подобие помещичьей усадьбы рубежа XIX–XX вв. – со службами и штатом прислуги. Интересно, что свои выводы о динамике русской дачи в XX в. Ловелл во многом делает на основе литературного материала, обращаясь к произведениям К.Г. Паустовского, Ю.В. Трифонова,

А.Г. Битова и менее известных писателей: В.П. Зикунова, Т.К. Николаевой, Р.И. Ибрагимбекова и др.

Также о литературной даче, преимущественно рубежа XIX–XX вв., пишут авторы коллективной монографии «The Dacha Kingdom» [The Dacha Kingdom]. Серьезное внимание дачной теме уделяют и авторы книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» [Богданова 2019b: 231–250; Мари 2020: 128–142; Осьминина; Шром, Ведель; Луцевич; Молодяков; Строганова; Мари 2021: 333–351]. Тем не менее можно сказать, что исследование литературной дачи как особого типа художественного пространства в русской словесности XVIII–XXI вв. только начинается. Настоящая статья – практически первая попытка показать эволюцию литературной дачи на протяжении XIX–XXI вв.

Если Щукин считает «дачный текст» разновидностью усадебного, то Ловелл – городского, то есть оба исследователя отказывают литературной даче в самостоятельной топике. Правда, Ловелл при этом утверждает, что дача, как, впрочем, и усадьба, не просто место обитания, но «образ жизни», особая субкультура со своим набором общественных ритуалов, моделей поведения, системой ценностей [Ловелл: 102–103], что, на наш взгляд, является достаточным основанием для выделения особого «дачного текста». С 1860-х гг. усадьба постепенно становится символом высокой культуры русского Золотого века, а дача превращается «в почти нарицательное обозначение пошлости, прозаизма действительности, ее непривлекательных гримас» [Ловелл: 108]. В дальнейшем это соотношение изменялось.

Рассмотрим эволюцию литературной дачи, начиная с творчества Ф.М. Достоевского, чья позиция в этом аспекте в целом типична для второй половины XIX в. Интересно, что в произведениях Достоевского достаточно широко представлен топос сельской помещицкой усадьбы, а разработку топоса дачи мы находим всего в двух – романе «Идиот» (1868) и рассказе «Вечный муж» (1870). Дачная топика в них исследована пока только в двух работах [Богданова 2019a: 72–90; Богданова 2023b].

Дачная тема была затронута писателем еще в 1840-е гг., прежде всего в фельетонах «Петербургской летописи» (1847) и романе «Белые ночи» (1848). Здесь дача воспринимается как неотъемлемая и лучшая часть «городского топоса». Художник Петербурга, Достоевский искал ресурсы для его оздоровления и совершенствования как бы внутри самого городского организма. В последующие два десятилетия отношение Достоевского к даче аналогично, при этом в ряде произведений она вообще не упомянута, а в некоторых – романах «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание» – от одного до трех раз в указанном значении. Что касается даль-

нейшего творчества, то в романах 1870-х гг. «Бесы» и «Подросток» – по одному разу, в «Братьях Карамазовых» – ни одного. Симптоматично, что, в отличие от публицистики 1840-х гг., в «Дневнике писателя» и «Гражданине» дача упоминается в нейтрально-осведомительном (как место пребывания) и, чаще, негативно-сатирическом модусе: там происходят драки, истязания детей, обманы, адюльтеры, бытовые конфликты и т. п. Таким образом, в изображении Достоевского 1870-х гг. дача целиком вписывается в общий сниженно-иронический, мещански-бытовой дискурс о ней, характерный для русской словесности второй половины XIX в. (подробнее см.: [Богданова 2019a: 80]).

Исключение составляют только два произведения конца 1860-х гг.: резкий скачок интенсивности указанного словоупотребления наблюдаем в романе «Идиот» (около 100 раз) и рассказе «Вечный муж» (около 30 раз). В обоих большая или существенная часть действия происходит на дачах. «Возникает вопрос: почему писатель после кратковременного пристального внимания к даче оставляет ее и вновь обращается к другим топосам: столичному и провинциальному городу, усадьбе, – а при редких упоминаниях дачи в 1870-е гг. резко меняет тональность с панегирической, характерной для 1840-х гг., на сатирическую?» [Богданова 2019a: 80]

Обратимся к анализу дачи в романе «Идиот», где основным местом действия стал Павловск. В фокусе изображения – пять дачных домов (Епанчиных; Лебедева; Птицына; Дарья Алексеевны; капитанши Терентьевой) и общее публичное пространство (Павловский парк с аллеями и скамьями, улица, железнодорожный вокзал, музыкальный зал, ресторан, церковь, кладбище). Дачи у Достоевского, снабженные открытыми террасами с лестничными сходами в парк или распахнутыми окнами и крыльцом на улицу, как бы перетекают в общественное пространство, становясь сообщающимися сосудами.

Епанчинская дача – единственное в романе давнее семейное павловское жилище, отражающее личность и вкус своих владельцев: так, например, ее швейцарский колорит соответствует утопическому увлечению Аглаи сельской простотой и идиллическим трудом в духе Ж.-Ж. Руссо, да и всей изначально задуманной атмосфере Павловска как великокняжеской резиденции конца XVIII – первой трети XIX в. Столичный чиновник-делец Лебедев буквально накануне переезда в Павловск приобрел свою дачу у перекупщика Птицына – как для временного отдыха семьи, так и для коммерческой выгоды. В отличие от дачи Епанчиных, она не имеет индивидуального отпечатка владельца и тем более постояльца – Мышкина.

Образы этих дач собирательны, художественно обобщены и не претендуют на фактическую точность.

Достоевский создавал новое художественное пространство, наделенное моделирующей социокультурной интенцией и порождающее особые практики и систему ценностей. Именно «на террасах павловских дач встречается и ведет судьбоносные разговоры о будущем России, смысле человеческой жизни, историческом противостоянии христианских конфессий, смене культурно-антропологических типов и многом другом пестрое общество генералов, князей, адвокатов, купцов, гимназистов, ростовщиков, журналистов, офицеров, чиновников и просто деклассированных индивидов. Отказ от социально-сословной иерархии порождает особый тип дачного поведения – фактическое равенство, открытость и свободу, в том числе в отношениях между полами <...>. Именно дачи явились в «Идиоте» площадкой для взаимодействия сословий, диалога между их представителями и выработки общерусского мировоззрения в пореформенную эпоху 1860-х гг.» [Богданова 2019а: 84].

Однако «дачная культура» Павловска в «Идиоте» носит переходный характер: с одной стороны, здесь очевидны черты аристократической резиденции первой трети XIX в. (усадебно-дворцы членов царской семьи и вельмож и знаменитый романтический парк – шедевр ландшафтного дизайна Пьетро Гонзаго), с другой – все они составляют в романе как бы фоновое знание и заслонены «какими-то Матросскими улицами» [Достоевский 8: 255] с пылью и неказистыми домами, двусмысленными шутками над Настасьей Филипповной «какого-то канцеляриста» [Достоевский 8: 492], невероятными сплетнями грязно любопытной и нетрезвой дачной толпы, врывающейся на лебедевскую террасу после скандальной отмены свадьбы Мышкина, – т. е. атмосферой «беспорядка» [Достоевский 8: 440], захватившей Павловск после пуска железной дороги и наплыва новой демократической публики во второй трети XIX в. Слово «беспорядок» часто встречается в «павловских» частях произведения (подробнее см.: [Богданова 2019а: 86–87]).

И не случайно Епанчины от павловского дачного «беспорядка» спасаются в надежное Колмино, традиционную дворянскую усадьбу. Позже автор «Подрустка» назовет «усадебную культуру» единственным в послепетровской России «порядком, <...> уже не предписанным, а самими наконец-то выжитым» [Достоевский 13: 453]. Итак, уходящий усадебный «порядок» противопоставлен в «Идиоте» новому дачному «беспорядку», причем отнюдь не в пользу последнего. Ведь наряду с положительным эффектом социальной солидарности «дачный топос» порождает неприемлемое для Достоевского ограничение суверенности человеческой личности (шпионство за князем со стороны Лебедева, попытку объявить его сумасшедшим после расстройтва свадьбы с Наста-

сьей Филипповной и проч.), а также понижение ее уровня (досушие разговоры, сплетни, пьянство, ссоры – все то, что вскоре назовут в русской литературе мешанством и пошлостью).

Немного скажем о специфике «дачного текста» в рассказе «Вечный муж». Во-первых, отметим его социокультурную нейтральность, срединность, способствующую равноправному духовно-душевному диалогу «людей разных миров» [Достоевский 9: 88]: великосветского льва Вельчанинова и провинциального чиновника Трусоцкого. В композиции рассказа – кольцевое обыгрывание усадебно-дачной топика и векторное ее изменение. Напомним, что усадьба и дача – не просто локусы, но средоточие определенных и во многом разнонаправленных ценностей, образа жизни, моделей поведения, типов личности. И вот на фоне «тяжбы по имению» в 1-й главе рассказа в Вельчанинове актуализируются черты «усадебной личности» – «высшие» стремления, нравственные побуждения, любовь к идеалу. Все это находит практическую реализацию на даче Погорельцевых в Лесном. Эта не съемная, а собственная дача является, по сути, традиционным усадебным локусом патриархальной семьи, где герой «был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем» [Достоевский 9: 39]. Со временем он мечтал совсем туда переселиться.

Тем не менее именно дача Погорельцевых становится локусом смерти ребенка – новообретенной дочери Вельчанинова Лизы, именно там рушатся мечты и надежды героя на новую жизнь, на «исцеление» души и духа. Возможно, поэтому она все же не усадьба, а разновидность дачи, пусть и идеализированной. Уход Лизы из жизни предопределяет крушение личности Вельчанинова, всего лучшего в нем. На общественно-историческом уровне это можно понять как смену социокультурных парадигм в России 1860-х гг.: усадебной культуры – дачной, типа помещика – типом дачника.

Второй дачный локус в «Вечном муже» – дача Захлебниных – принципиально отличен от первого. Это уже настоящая дача – съемное летнее жилье, с бесформенным безликим домом, с общественным пространством – садом для нескольких дач. В ней пребывают уже не только семья и душевные друзья дома, но случайные соседи и приезжие. Образ жизни здесь праздный, царит дух непритязательного веселья и одновременно – расчета, например все стремятся выдать замуж старшую дочь Катю и ловят Вельчанинова как выгодного жениха. Симптоматично, что своими ухватками опытного соблазнителя этот герой нравится всем обитателям дачи, в том числе «передовой» молодежи (Наде, Предпосылову, Лобову), то есть органично вписывается в дачную ментальность.

Показательно, однако, что во все время пребывания на даче Захлебниных «тоска почти не оставяла» Вельчанинова [Достоевский 9: 83]. В герое еще жива и предьявляет свои права высшая, «усадебная» сторона его личности. Он признается Трусоцкому: «<...> никогда и ничем я не унижал себя так, как сегодня, – <...> тем, что было там... Это было так мелко, так жалко... я опоганил и оподлил себя, связавшись... и позабыв...» [Достоевский 9: 85]. В последней фразе имеется в виду смерть Лизы, ее высокий трагизм. Очевидно, что окончательного перехода из усадебной социокультурной модели в дачную у Вельчанинова еще не произошло.

В эпилоге же этот герой, как иронически замечает автор, «исправился», а свои «высшие» устремления и горькие воспоминания стал воспринимать как «болезнь» и «малодушие» [Достоевский 9: 106]. «Усадебная» сторона его личности практически исчезла. Торжество пошлости в герое маркируется неожиданной встречей с Трусоцким и его новой женой Липочкой на железнодорожной станции. И не случайно Вельчанинову «в одно мгновение представился <...> сад Захлебниных» [Достоевский 9: 109]. Яркое воспоминание о даче совмещено с поездкой по железной дороге, что создает картину полноценного «дачного топоса» в конце произведения. После исполненного надежд изображения дачи в «Идиоте», в «Вечном муже» Достоевский демонстрирует разочарование в даче как социокультурной модели будущего возрождения нации, принижает дачу по сравнению с усадьбой.

В русской литературе Серебряного века сформировалась целая традиция негативного отношения к даче как антиномии усадьбе. В пьесах А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903) и А.М. Горького «Дачники» (1904), «Дети солнца» (1905) и «Враги» (1906) само слово «дачник» наделяется иронически-отрицательными коннотациями: «Мы – дачники в нашей стране <...>, какие-то приезжие люди» [Горький: 276]. Дачное пространство в горьковских пьесах 1900-х гг. – болезненное, несчастное, разрозненное, пронизанное страхом перед жизнью. В рассказе Чехова «Новая дача» (1899) оно не просто окружено враждебным миром, но живет под постоянной угрозой нападения и разрушения.

Для символистов дача также была негативным локусом. Например, в стихотворении А.А. Блока «Незнакомка» (1906) дана картина дачного местечка Озерки под Петербургом как апофеоза пошлости. Непристойная физиология половых «томлений» гимназистов – в центре рассказа Г.И. Чулкова «На даче» (1909). В его же романе «Сереза Нестроев» (1916), посвященном становлению личности 14-летнего московского гимназиста, действие первых восьми глав происходит на даче. Здесь, с одной стороны, царит атмосфера ре-

лигиозно-этического нигилизма и беспочвенности (ее источник – Серезин друг Фома), с другой – грубой чувственности (вожделение к горничной Груше, «декадентская» вседозволенность в общении с дачницей Валентиной Матвеевной, плотские забавы с деревенскими девушками) [Чулков: 10, 24, 46]. В композиции произведения дача как средоточие «темной дионисийской стихии» [Чулков: 240] противопоставлена настоящей России как «светлой земле» [Чулков: 241]. Если от дачницы Валентины «веет смертью» [Чулков: 24], то русская земля как софийная «плоть мира» – «живая» [Чулков: 242]. Таким образом, в религиозном символизме Чулкова семиотика дачи отягощается новыми негативными смыслами: это уже не просто средоточие мещанства и пошлости в социокультурном плане, но локус inferнального присутствия, где «чорт ходил и скуку сеял...» [Чулков: 46].

В советскую и постсоветскую эпоху модели дачно-усадебной жизни России рубежа XIX–XX вв. ушли в прошлое, однако в 1920–40-е гг. на месте практически упраздненных в революционное лихолетье владельческих и съемных дач в поселках вдоль железных дорог образовались их субституты: с одной стороны, элитные дачно-строительные кооперативы и профессионально-ведомственные дачные поселки с государственным жилым фондом, куда не допускались посторонние лица, с другой – съемные комнаты в крестьянских домиках в живописной сельской местности, доступные любому желающему. По наблюдению Щукина, уже с 1930-х гг. в литературе начинается поэтизация дачи, до революции имевшей лишь негативно-сниженные коннотации. В стихотворении Б.Л. Пастернака «Вторая баллада» (1930) «элитарный мир усадьбы превращается в не менее элитарный, но скромный, неустойчивый и далеко не полностью безопасный мир дачи» [Текстовый отчет: 17].

Вплоть до начала массового дачно-садоводческого строительства в СССР сохранялась съемность летнего дачного жилья как его определяющий признак. Однако инициированная государством в 1960–1980-е гг. покупка дачных домов на 6 сотках земли обозначила «размывание» традиционного представления о даче. «Отныне дачей стали называть постоянную собственность, хотя и чрезвычайно небольшого размера, где, как правило, необходимо вести хоть какое-то хозяйство» [Рыжакова: 414].

Это обусловило противоречие в семантике образа дачи в последней трети XX – начале XXI в.: с одной стороны, «<...> пространство дачи маркировано как временное, случайное пристанище в противоположность сначала усадьбе, а позднее – городской квартире. <...> В то же время пространство дачи наследует отдельные грани семантики усадебного пространства, наделяется его функциями, в частности связанными с устойчивым мотивом сохранения ро-

довой памяти <...>» [Тропкина: 128]. Сравним топику дачи в романах Ю.В. Трифонова «Старик» (1972), А.Н. Варламова «Лох» (1995) и Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016). В первом из них, написанном в эпоху брежневского «застоя» с его возвращением к «внутреннему человеку» и стремлением к возрождению национально-исторических традиций, дача осмысливается как территория кричащих ценностных противоречий. С одной стороны, для старшего поколения, уже оставившего активную социальную борьбу, она становится местом пробуждения глубинной личности, совестливой памяти и самостоятельной, незаемной мысли (таковы переживания «старика» Павла Летунова); с другой – зоной столкновения материально-бытовых, захватнических интересов для его взрослых детей-наследников и съемщика дачи Кандаурова, мечтающего стать собственником (что возвращает к дореволюционной оценке дачи как средоточия мещанства и пошлости); наконец, в дачном поселке вступают в противоборство две модели досуга в СССР – частно-семейная и поощряемая властью коллективно-государственная (приезжий «из управления» с красной папкой в руках сообщает, что вместо старых дач будет построен пансионат для «младшего персонала») [Трифонов: 324]. Однозначного мнения о «дачном топосе» роман Трифонова не предлагает, погружая читателя в сложное сплетение бытийных, экзистенциальных и эмпирических мотивов; тем не менее очевидно, что дача как островок частной жизни в советском социуме (прежде всего в личностном плане) представляет для него несомненную ценность.

В написанном уже в постсоветскую эпоху романе Варламова «Лох» центральное место занимает locus подмосковной дачи в Купавне на берегу Бисерова озера, из которого уже целиком исчезают негативные коннотации. В судьбе Сани Тезкина этот тесный типовой домик с терраской становится настоящим родовым гнездом. Туман над озером и голые сады осенью оказываются свидетелями судьбоносных встреч героя с местным священником, последнего разговора с отцом о смысле жизни, формирования позиции «мирской святости».

В «Авиаторе» Водолазкина видим преображение обыденного дачного пространства начала XX в. в поселке Сиверская под Петербургом – в символическое, мифопоэтическое: «<...> свет в доме не погас – должно быть, там кто-то оставался. Возможно, моя семья. Стоило мне войти, и я увидел бы всех моих близких <...>, и понял бы, что все, кроме их вневременного сидения за столом, сон и наваждение, и расплакался бы от нахлынувшего счастья <...>» [Водолазкин: 104]. Получается, что восприятие «дачного топоса» героем романа Иннокентием Платоновым характерно не столько

для начала, сколько для конца XX в., когда произошла конвергенция дачи и усадьбы, переоценка первой. Здесь топос дачи с характерными для дореволюционной эпохи негативно-сниженными коннотациями переводится в аксиологический регистр усадьбы как «рая на земле».

Так как в начале XXI в. число дачных участков с домами достигло в России, по разным оценкам, от 20 до 50 миллионов, дача нового типа превратилась в заметное социокультурное явление [Копотева: 448] и быстрыми темпами становилась подобием дореволюционной усадьбы – семейным «гнездом» для постоянного проживания на лоне природы, нередко местом творческого труда. При этом, однако, сохранялись такие определяющие признаки «дачности», как месторасположение в поселке и шаговая близость соседей, зависимость от инфраструктуры (охраны, магазинов, средств связи, транспорта), сравнительно небольшие размеры участка и дома и т. д.

Эволюцию российской дачи второй половины XX – начала XXI в. уловил в своих романах Ю.В. Мамлеев. Если в «Шатунах» (1968) мы наблюдаем развитие инфернально-дачной тенденции символистской прозы (например, в извращенно-чувственном «дионисийстве» как простонародных, так и столичных обитателей загородного «гнезда» Лебединое), то в произведениях рубежа XX–XXI вв. – «Блуждающее время» (2000), «Мир и хохот» (2002), «Империя духа» (2011) – изображены подобию традиционных усадеб, переформатированных из прежних советских дач, с отчетливыми положительными коннотациями. Казалось, были созданы условия для возрождения пленительного «усадебного мифа» Серебряного века. Однако в романах Мамлеева 1990–2000-х гг. рождается особый «дачный миф», с которым мы ранее не встречались: «в уникальном, свойственном только России дачном пространстве открывается, по мысли писателя, “Россия вечная”, одновременно хранящая в себе Абсолют (Бога), распахнутая в непостижимую Бездну и сберегающая свою природно-культурную самобытность» [Богданова 2023а: 200]. Возможно, до самого конца XX в. его оформлению препятствовала отмеченная Ловеллом несамостоятельность дачи как разновидности «городского топоса», однако с распространением владельческих дач для постоянного проживания ситуация изменилась. Симптоматично, что в культуре начала XXI в. именно дача воспринимается как «истинный центр России» и «колыбель гражданского общества» [Caldwell: 198]. При этом подчеркивается самобытность дачи, уникальность этой социопропространственной формы: «дача – специфически русское явление», «один из символов национально-менталитета» [Цивьян: 12, 14].

Список литературы

- Богданова О.А.* «Дачный топос» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019а. С. 72–90. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 1).
- Богданова О.А.* «Дачный топос» в литературных источниках XX в. и в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019б. С. 231–250. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 1).
- Богданова О.А.* «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // *Studia Litterarum*. 2023а. Т. 8, № 2. С. 200–219.
- Богданова О.А.* Семиотика дачи в рассказе Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // *Достоевский и мировая культура*. Филологический журнал. 2023б. № 3. С. 66–80.
- Водолазкин Е.Г.* Авиатор: роман. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
- Горький А.М.* Полн. собр. соч.: худож. произведения: в 25 т. Т. 7. Москва: Наука, 1970. С. 183–294.
- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2008. 528 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Копотева И.* Шесть узаконенных соток // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 447–461.
- Ловелл Ст.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000: пер. с англ. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.
- Луцевич Л.Ф.* Дачно-усадебный топос «Русская Финляндия»: «Белая ночь» Леонида Андреева // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 138–150 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 3).
- Мари Э.* У истоков «дачного топоса» // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 128–142. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Мари Э.* О понятии петербургского «дачного фольклора» конца XIX – начала XX в. // *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. С. 333–351 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 6).
- Молодяков В.Э.* Декадент на пленэре: сцены дачной жизни Валерия Брюсова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 239–250 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 3).
- Осьминина Е.А.* Образ дачи в произведениях И.С. Шмелева и В.А. Никифорова-Волгина // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 246–254 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Рыжакова С.* «Крестьянский домик, нанимаемый горожанином»: о некоторых метаморфозах петербургской/ленинградской дачи в XIX–XX вв. // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 409–416.
- Строганова Е.Н.* Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв. // *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. С. 322–332 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 6).
- Текстовый отчет о Междунар. науч. конф. «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (22–24 июня 2023 г., ИМЛИ РАН – Дом-музей Б.Л. Пастернака в Переделкине). 65 с. URL: <http://litasadba.imli.ru/event/otchet-o-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferencii-usadba-i-dacha-v-literature-sovetskoj-epohi> (дата обращения: 24.07.2023).
- Трифонов Ю.В.* Отблеск костра: документальная повесть. Старик: роман. Москва: Известия, 1989. 336 с.
- Тропкина Н.Е.* Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 4 (68). С. 128–132.
- Цивьян Т.* О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 11–24.
- Чулков Г.И.* Сережа Нестроев: роман. Москва: Северные дни, 1916. 244 с.
- Шром Н.И., Ведель А.В.* «Взморцы на штранде»: дачный сюжет между идиллией и иронией // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 255–270 (Сер. Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. 607 с.
- Caldwell M.L.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L. A., University of California Press, 2011, XXII, 201 p.
- The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*, ed. by N. Bashmakoff, M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3, 508 p.

References

- Bogdanova O.A. "Dachnyi topos" v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" ["Dacha topos" in the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. *Bogdanova O.A. Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and dacha in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 72-90 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 1). (In Russ.)
- Bogdanova O.A. "Dachnyi topos" v literaturnykh istochnikakh XX v. i v romane E.G. Vodolazkina "Aviator" ["Dacha topos" in literary sources of the XX century and in the novel by E.G. Vodolazkin "Aviator"]. *Bogdanova O.A. Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and dacha in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 231-250 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 1). (In Russ.)
- Bogdanova O.A. "Dachnyi mif" v russkoi literature rubezha XX–XXI vv.: sluchai Iurii Mamleeva ["Dacha myth" in Russian literature at the turn of the XX–XXI centuries: the case of Yuri Mamleev]. *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, No. 2, pp. 200-219. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. *Semiotika dachi v rasskaze F.M. Dostoevskogo "Vechnyi muzh"* [Semiotics of the dacha in the story by F.M. Dostoevsky "The Eternal Husband"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and world culture: philological journal], 2023, No. 3, pp. 66-80. (In Russ.)
- Chulkov G.I. *Serezha Nestroev: roman* [Seryozha Nestroev: a novel]. Moscow, Severnye dni Publ., 1916, 244 p. (In Russ.)
- Gor'kii A.M. *Poln. sobr. soch.: khudozh. proizvedeniia: v 25 t.* [Complete works: works of fiction: in 25 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1970, vol. 7, pp. 183-294. (In Russ.)
- Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found]. Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
- Kopoteva I. *Shest' uzakonennykh sotok* [Six legalized acres]. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 447-461. (In Russ.)
- Lovell St. *Dachniki: istoriia letnego zhit'ia v Rossii, 1710–2000* [Summer residents: the history of summer life in Russia, 1710-2000], transl. from English. Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2008, 347 p. (In Russ.)
- Lutsevich L.F. *Dachno-usadebnyi topos "Russkaia Finlandiia": "Belaia noch" Leonida Andreeva* [Dacha estate topos "Russian Finland": "White Night" by Leonid Andreev]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [The phenomenon of the Russian literary estate: from Chekhov to Sorokin+: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 138-150 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 3). (In Russ.)
- Mari E. *U istokov "dachnogo toposa"* [At the origins of the "dacha topos"]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'ia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020a, pp. 128-142 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)
- Mari E. *O poniatii peterburgskogo "dachnogo folklora" kontsa XIX – nachala XX v.* [About the concept of Saint-Petersburg "dacha folklore" of the late XIX – early XX century]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: kollektivnaia monografiia* [Estate Real – Estate Literary: vectors of creative transformation: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020b, pp. 333-351 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 6). (In Russ.)
- Molodiakov V.E. *Dekadent na plenere: stseny dachnoi zhizni Valerii Briusova* [Decadent in the open air: scenes of Valery Bryusov's country life]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [The phenomenon of the Russian literary estate: from Chekhov to Sorokin+: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 239-250 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 3). (In Russ.)
- Os'minina E.A. *Obraz dachi v proizvedeniakh I.S. Shmeleva i V.A. Nikiforova-Volgina* [The image of dacha in the works of I.S. Shmelev and V.A. Nikiforov-Volgin]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'ia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: a collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 246–254 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)
- Ryzhakova S. "Krest'ianskii domik, nanimaemyi gorozhaninom": o nekotorykh metamorfozakh peterburgskoi/leningradskoi dachi v XIX–XX vv. ["A peasant's house hired by a citizen": about some metamorphoses of a Saint-Petersburg / Leningrad dacha in the XIX–XX centuries]. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 409-416. (In Russ.)
- Stroganova E.N. *Dachnye siuzhety v zhenskoi proze rubezha XIX–XX vv.* [Dacha plots in women's prose of the turn of the XIX–XX centuries]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: kollektivnaia monografiia* [Estate Real – Estate Literary: vectors of creative transformation: collective

monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 322-332 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 6). (In Russ.)

Tekstovyi otchet o mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia" [Text report on the International Scientific Conference "Estate and dacha in the literature of the Soviet era: losses and gains"] (June 22–24, 2023, IWL RAS – House-Museum of B.L. Pasternak in Peredelkino), 65 p. URL: <http://litusadba.imli.ru/event/otchet-o-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-usadba-i-dacha-v-literature-sovetskoy-epokhi> (access date: 24.07.2023). (In Russ.)

Trifonov Iu.V. *Otblek kostra: dokumental'naiia povest'; Starik: roman* [Firelight: documentary novel; The Old Man: a Novel]. Moscow, Izvestiia Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)

Tropkina N.E. *Khudozhestvennaia semantika dachnogo toposa v russkoi poezii vtoroi poloviny XX v.* [Artistic semantics of the dacha topos in Russian poetry of the second half of the XX century]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2012, No. 4 (68), pp. 128-132. (In Russ.)

Tsiv'ian T. *O mifologicheskikh konnotatsiakh dachi* [About the mythological connotations of dacha]. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 11-24. (In Russ.)

Shrom N.I., Vedel' A.V. "Vzmortsy na shtrande": *dachnyi siuzhet mezhd idilliei i ironiei* ["The seaside on the strand": a dacha plot between idyll and irony]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostal'giia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 255-270 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)

Shchukin V.G. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [The Russian genius of Enlightenment. Research in the field of mythopoetics and the history of ideas]. Moscow, Rosspen Publ., 2007, 607 p. (In Russ.)

Vodolazkin E.G. *Aviator: roman* [Aviator: A novel]. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2016, 410 p. (In Russ.)

Caldwell M.L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L. A., University of California Press, 2011, XXII, 201 p.

The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area, ed. by N. Bashmakoff, M. Ris-tolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3, 508 p.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.